

АМИНА ВОЛКОВА

ИЗМЕНА МУЖА.
ТЫ СЛОМАЛ МНЕ РУКИ,
НО НЕ ВОЛНУ!

Амина Волкова

**Измена мужа. Ты сломал
мне руки, но не волю!**

«Автор»

2026

Волкова А.

Измена мужа. Ты сломал мне руки, но не волю! / А. Волкова —
«Автор», 2026

Пять лет я создавала антибиотик, который должен был спасти тысячи жизней. А муж решил подарить мою формулу богатой любовнице.—
Подпиши передачу патента, Лена. Или сядешь за промышленный шпионаж! Я отказалась. Артём выгнал меня с завода, заблокировал счета и приказал своим людям сломать мне руки. Чтобы я больше никогда не взяла пробирку. Теперь врачи сомневаются, что я смогу вернуться в лабораторию. А опасный детектив Максим предлагает союз против моего мужа. Только у Максима свои счёты с Артёмом. Он уже однажды пожертвовал мной ради доказательств. Сумею ли я вернуть своё открытие, наказать предателя и не доверить жизнь новому жестокому хозяину?

© Волкова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Амина Волкова

Измена мужа. Ты сломал мне руки, но не волю!

Глава 1

Краску в кабинете еще не выветрили. Я открыла бы окно, но оно не открывалось — панорамное, дорогое, Артем выбирал сам. Теперь ждала у стекла, стараясь не поглядывать на дверь каждую минуту. Сегодня он должен был принести контракт на поставку моего антибиотика. Слово «моего» я позволяла себе только мысленно: на совещаниях говорила «наша разработка». Годами держала в голове температуры, выход реакции, номера неудачных проб. Теперь за это обещали деньги. Бонусы, закрытую за год ипотеку, мебель, которую можно выбирать по цвету, а не по желтому ценнику. Пять лет брака и работы вместе. Хотелось, чтобы он вошел, обнял меня и сказал: получилось, Лен. Чтобы я наконец выдохнула.

Манжет завернулся внутрь; я расправила его ногтем. В лаборатории постоянно что-нибудь звенело, щелкало, капало. Здесь было тихо, и от этой тишины я почему-то стала искать глазами непорядок. Перепроверять — моя отвратительная привычка, по словам Артема. Иногда она спасала реакцию. Сейчас взгляд зацепился за потолок.

Между белыми плитами чернела точка. Вентиляционная решетка была левее, датчик дыма — у двери. Эта штука здесь зачем? Со стола взяла линейку для чертежей, пододвинула стул. Ладони липли к дереву; прежде чем залезть, я вытерла их о джинсы. Край панели поддался с хрустом. За ним на двустороннем скотче держалась черная фасолина с сеточкой. Несколько секунд я смотрела на нее, не решаясь коснуться. Прослушка. В моем кабинете.

Рубашка пристала к спине. Вот тебе и контракт. Может, прослушивают всех технологов? Но тогда почему мне не сказали? О переговорах с юристами я сообщала только Артему. Слезла со стула и осталась держать линейку, как будто с ней могла хоть что-нибудь объяснить. В этот момент открылась дверь.

Артем пришел в синем костюме, который я подарила ему на годовщину. До покупки таскала его по трем магазинам: здесь рукав короткий, там плечи плохо сидят. Сидел теперь прекрасно. Он оглядел меня, стул, вскрытый потолок. Я ждала вопроса. Вместо этого муж улыбнулся той улыбкой, с которой завершал удачные переговоры, и повернул ключ в замке. Я слышала каждый оборот.

— Красивый дизайн, Лена, — сказал он ровным голосом, подходя к столу. — Но ты всегда была слишком дотошной. Это мешает видеть картину целиком.

— Что происходит? — мой голос сорвался, стал тонким и чужим. Я сделала шаг назад, упираясь спиной в холодное стекло окна. — Артем, почему здесь микрофон? Ты слушаешь мои переговоры с юристами? Почему?

Он сел напротив и забросил ногу на ногу. Я смотрела на подошву его туфли — там застряла соринка — и упорно не понимала, почему он расселся. Разве он не видит, что мне страшно? На стол легла крафтовая папка. Толстая, с отогнутыми углами; ее явно готовили не последние пять минут.

— Открой, — приказал он.

Папка открывалась плохо: тесемка прилипла к влажным пальцам. Внутри были письма с моего адреса, мои пароли к серверу R&D, даже знакомые обороты из рабочих переписок. Только этих писем я не писала. Здесь я будто торговалась с конкурентами за свою формулу,

назначала цену, указывала счета. Нашла страницу с описанием реакции и перечитала дважды. Ошибок не было. Кто-то взял мой труд и вложил мне в рот признание в краже.

— Это фальшивка, — прошептала я, чувствуя, как горло перехватывает спазм. — Ты сам это написал. Или заказал кому-то.

— Доказательств достаточно, чтобы следователь закрыл дело за неделю, — спокойно ответил Артем. Он смотрел на меня так, будто обсуждал погоду или цены на бензин. — Статья 183 УК РФ. Промышленный шпионаж. Срок реальный, Лена. Пять-семь лет. А если учесть, что это стратегически важный препарат для оборонки... могут дать и больше.

Он должен был помнить, как я искала эту формулу. Сидел рядом ночами, приносил кофе, предлагал перепроверить спектрограммы. Иногда засыпал прямо на стуле, и я жалела его: замучился из-за меня. Утром мы смеялись над его затекшей шеей. Я смотрела на папку и пыталась совместить того сонного Артема с этим. Не получалось. Проще было решить, что я чего-то не понимаю.

— Ты же знаешь меня, — я попыталась схватить его за руку, но он отдернул её, как от огня. — Артем, пожалуйста. Это ошибка. Может быть, проверка лояльности? Ты хочешь посмотреть, как я буду себя вести?

Он поднялся, и мне пришлось запрокинуть голову. Знакомый одеколон: я сама говорила, что он ему идет. На воротнике — запах сигарет. Муж курил на балконе, чтобы мне не мешать. Какие хорошие, заботливые мелочи я собирала, как доказательства любви. Сейчас он смотрел на меня и скучал.

— Любовь — это ресурс, Елена, — произнес он тихо, почти нежно. — Ресурс, который я исчерпал три года назад. Кристина дает мне капитал. Капитал, который позволяет этому заводу дышать. Ты даешь мне только формулу. А формулу можно купить. Или забрать силой.

Исчерпал три года назад. Я повторила это про себя, сверяя даты. На нашу третью годовщину мы ездили за город. Я тогда еще выбирала ему подарок, боялась, что не понравится. Он уже всё исчерпал. Мне захотелось спросить, зачем же он обнимал меня по ночам, но я прикусила язык: услышать еще один его деловой ответ было бы хуже.

— Я вызову полицию, — выдохнула я, тянувшись к телефону на столе. Пальцы сомкнулись на трубке настольного телефона.

Пальцы Артема сомкнулись на моей кисти. Он повернул ее, и я вскрикнула — рука сама разжалась. Трубка ударилась о край стола, потом об пол. На ковре остались кусочки пластика. Вчера я бы испугалась, что мы поссорились. Сейчас смотрела на его большой палец, вдавленный мне в запястье, и понимала: он может сделать большее. И прекрасно это знает.

— Глупая девочка, — прошипел он мне прямо в ухо, прижимаясь всем телом, лишая воздуха. — Полиция уже в курсе. Следователь Жук работает на Кристину. Если ты сейчас же не переоформишь патент на фиктивную компанию «Аргумент», завтра утром тебя арестуют. Прямо в этой комнате. Твои коллеги будут смотреть, как тебе надевают наручники. Тебя посадят, Лена. И никто не подаст тебе воду в камере.

Он навалился, и вдох получился коротким, бесполезным. Одеколон стоял прямо у лица. Я пыталась высвободить кисть, но от каждого движения боль стреляла к локтю. Надо было сказать «подпишу», чтобы отпустил. Одно слово. Потом как-нибудь разобраться. Я открыла рот.

— Нет, — сказала я, хотя голос звучал жалко. — Я не подпишу. Это моя интеллектуальная собственность. Это моя жизнь.

Он выпустил руку. Я тут же спрятала ее за спину, хотя было стыдно показывать, что боюсь нового рывка. Артем уже доставал планшет. Всё приготовил: папку, запись, следующую угрозу. Мне даже хотелось увидеть, где кончается этот запас, — тогда хотя бы знала бы, сколько еще выдержать.

— Посмотри, — велел он.

В углу записи стояла дата прошлой недели. Женщина в архиве серверной вставляла флешку в терминал. Мой рост, мои волосы, похожая рубашка. Я подалась к экрану, пытаюсь найти хоть что-нибудь, что выдавало монтаж. Но она двигалась убедительно. Именно так я наклонялась к монитору. Откуда у них это? Сколько записей со мной им понадобилось?

— Это монтаж! — крикнула я, чувствуя, как слезы жгут глаза. — Я никогда не ходила в серверную одна! Артем, посмотри мне в глаза! Найди там хоть искру совести!

Я искала у него на лице хоть одно знакомое движение. Складку у рта, которая появлялась, когда он понимал, что перегнул. Сейчас Артем только дождался, пока я перестану кричать. Ему нужен был ответ, а не я.

— Совесть — роскошь для тех, кто может себе это позволить, — ответил он. — А я хочу жить комфортно.

Глава 2

Он отпер дверь, и в кабинет вошли двое охранников. Еще утром я здоровалась с одним в проходной. Теперь он смотрел мимо меня, на директора. Второй встал у двери. Мне отрезали выход, даже прежде чем Артем что-то приказал.

— Господин директор? — спросил один из них.

— Выведите Елену Сергеевну, — скомандовал Артем, не глядя на меня. — Она отказывается сотрудничать. Придется применять меры административного воздействия.

Один взял меня за левое плечо, второй — за правое. Я дернулась к столу: там оставалась папка, там было то, чем меня собирались посадить. Но пальцы только скользнули по лакированному краю. Охранник заломил мою руку, и я поневоле пошла боком, чтобы не вывихнули плечо.

— Пусти! — я начала сопротивляться, царапала их руки и била каблуками по голениям. — Это незаконно! Артем, сука! Ты заплатишь за это!

По коридору меня уже тащили. Каблук зацепился за стык линолеума, и я чуть не упала. Коллеги останавливались. Кто-то отвел глаза, кто-то поднял телефон. Хотелось крикнуть: снимайте папку, снимайте его, почему вы снимаете меня? Но я только пыталась удержаться на ногах и дышать. Здесь я учила лаборантов не торопиться с пробами. Теперь они видели, как я ругаюсь, плачу и ничего не могу сделать.

Артем остался в дверях со скрещенными руками. Между нами был уже почти весь коридор, а я все равно ждала: сейчас окликнет, отменит приказ. На его лице было раздражение. Я затагивала неприятную часть дня.

В заводском дворе лил дождь. Вода забилась за воротник, одежда за секунды стала тяжелой. Я повернула лицо к зданию: окна моего кабинета с этой стороны не было видно. Из трубы шел пар. Завод продолжал работать, как будто главного технолога не вынесли из него за руки.

У ворот охранники отпустили меня так резко, что я опустилась на колени. Джинсы промокли в луже. Подняться бы и уйти, пока из проходной не смотрят. Но идти было некуда. Ключей от квартиры у меня не было; счета он перекрыл, работа осталась за воротами. Я пыталась вытереть лицо рукавом, рукав был мокрый. От собственного беспомощного движения стало еще хуже. Хотелось, чтобы всё это прекратилось. Даже если вместе со мной.

Вода бежала по асфальту мимо коленей. Я следила за тонкой струйкой, пока она не сливалась с лужей. Надо встать. Еще раз: надо встать. От этих двух слов ноги не начинали слушаться.

Кто-то положил руку мне на плечо. Я дернулась, выставила больную кисть и тут же зашипела сквозь зубы. Рука с плеча не исчезла. Меня не тащили, но отпустить тоже не торопились.

Подняла голову. Мужчина в кожаной куртке стоял надо мной, закрывая часть неба. По коже куртки стекали капли. Шрам через бровь, резкая складка у рта; он быстро осмотрел мое запястье, потом ворота. Я уцепилась за это: замечал, что со мной сделали. Только жалости на лице у него не было.

— Ты только что потеряла всё, — сказал он. Голос был низким, хрипловатым, но спокойным. — Но я знаю, как вернуть долг.

Я моргнула, капли воды попадали в глаза.

— Кто вы? — прохрипела я.

— Максим, — представился он. — Частный детектив. И друг твоего бывшего мужа, если верить бумагам, которые я собрал последние полгода.

Полгода. Он собирал бумаги, пока я выбирала Артему костюм на годовщину. Знал, что происходит, а я не замечала ничего. Или сейчас только хотел, чтобы я в это поверила? Может, он тоже часть игры?

Я еще раз посмотрела на его руки. Артем заставлял подписать бумаги. Этот предлагал вернуть долг. Оба чего-то хотели от меня. И всё же рядом с ним удалось вдохнуть глубже: хотя бы не надо было делать вид, что муж меня любит.

У юриста я сидела на жестком стуле и прятала руки под столом. Пока не смотрела на них, можно было притвориться, что дрожь прошла. Но стоило сложить пальцы, как они начинали мелко дергаться. Мужчина за монитором пил кофе из автомата; пластиковый стаканчик уже остыл, и я почему-то следила за ним. Сколько стоит такой кофе? Хватило бы на булку? Никогда раньше не считала чужой завтрак.

— Елена Сергеевна, — голос мужчины был сухим, как пергамент. Он даже не поднял глаз от монитора. — Иск о разделе имущества подан вчера вечером. Суд удовлетворил заявление об обеспечительных мерах. Все ваши счета заморожены до решения.

— Но у меня нет ни рубля, — сказала я. Голос сорвался, превратившись в хрип. — Мне нужно есть. Прямо сейчас.

Он оторвался от монитора. По его лицу я поняла, что он услышал ровно то, что я сказала: мне нечего есть. И это никак не помогало его работе. Он мог объяснить бумаги, сроки, порядок заявлений. Обед в этот порядок не входил.

— Квартира оформлена на двоих, — продолжил он механически. — Артем уже передал охране комплекса инструкцию вас не пускать. Законность этого запрета придется оспаривать. Вы можете попытаться договориться с бывшим мужем через адвокатов, но...

Он махнул рукой, будто отгонял назойливую муху.

На улице солнце высветило каждую грязную полоску на моем рукаве. Я затянула манжет поверх следов от пальцев Артема. В кармане завибрировал телефон. Маша. Мы вместе сдавали химию, давали друг другу переписывать конспекты, спорили, чья шпаргалка надежнее. На моей свадьбе она плакала и обещала стать крестной. Вот кто не станет спрашивать, почему я не сумела договориться с мужем.

Я ответила, прижав телефон к уху так крепко, что побелели костяшки.

— Лена? Ты где? Артём сказал... — Её голос был тихим, виноватым.

— Маш, дай пять тысяч. На hostel. Хотя бы на ночь.

Она молчала. В трубке гудел холодильник, с улицы донесся собачий лай. Я очень хорошо знала Машину кухню: там можно было поставить чайник и сесть на табурет с облезлым сиденьем. Сейчас мне не нужны были ни разговоры, ни чай. Только чтобы она сказала «приезжай». Я ждала этого слова так старательно, что почти не дышала.

— Прости, Лена, — прошептала она. — Артём позвонил. Сказал, что ты больна. Что ты опасна для коллектива, для людей. Я боюсь за свою работу, Лена. Ты же знаешь, у меня ипотека.

Связь оборвалась. Я опустила телефон, но не убрала: вдруг передумает и перезвонит. Пришло «Прости. Держись». Я перечитала сообщение. Два слова, а сколько у меня на них надежд было. Маше страшно, у нее ипотека, всё понятно. От понимания только сильнее хотелось набрать еще раз и спросить, когда же наша дружба стала дешевле одного звонка Артема.

До квартиры я решила добраться хотя бы за вещами. Документы, обувь, теплая куртка. Я помнила мелочь в ящике прихожей и купюры, которые иногда забывала в другой сумке. Стыдно было идти туда после запрета. Но куда деваться? Пять лет я могла открыть эту дверь в любое время. Должен был остаться хотя бы один способ.

Лифт заскрежетал на нашем этаже. У квартиры молоденькая уборщица двигала шваброй по чистому полу. Я невольно посмотрела на коврик: тот самый, который покупала сама. Чужие следы на нем казались нелепостью. Сначала подумала, что девушка сейчас отойдет и даст мне позвонить в дверь.

Я шагнула вперед.

— Стоять! — крикнула она, выставив вперед швабру. — Хозяйка запретила.

— Какая хозяйка? — спросила я тихо. Внутри поднималась черная волна ярости, смешанная с тошнотой.

— Кристина Александровна, — ответила она высокомерно, оглядывая меня с ног до головы. — А ты кто вообще? Полицию вызывать?

— Я здесь живу, — сказала я. — Это моя квартира.

Она усмехнулась и достала телефон, всё еще придерживая швабру поперек прохода. Номер набрала слишком длинный для полиции. Я ждала у своего коврика, глядя на мокрую тряпку. Вот кого оставили охранять мой дом. Даже настоящего охранника на меня пожалели.

Через десять минут приехали участковые. Два молодых парня в форме, уставшие и раздраженные.

— Проходим, гражданка, — буркнул один, хватая меня за локоть. Его пальцы оставили холодный след сквозь ткань куртки.

В отделении я рассказала всё, начиная с микрофона. Седой участковый смотрел мимо меня; за его спиной висел календарь, и я едва не сбилась, пытаясь вспомнить, какой сегодня день. Хотелось говорить короче и яснее, чтобы поверил. Но он перебивал именно там, где я доходила до Артема.

— Так, давайте по порядку, — перебил он меня, когда я начала говорить о микрофоне, о краже формулы. — Жалоба от бывшего мужа поступила. Характеристика отрицательная. Есть справка от невролога о нестабильности эмоционального фона. Вы понимаете, что это значит?

— Что меня хотят закрыть, — сказала я.

— Что вы мешаете работать людям, — поправил он. — Если будете продолжать истерики и угрожать сотрудникам завода, мы будем вынуждены направить материалы в ПНД. Родственники уже дали согласие на госпитализацию в случае рецидива агрессии.

Родственники дали согласие. У меня спросить никто не собирался. Подписал, наверное, муж — тот самый человек, на которого я жаловалась. Я стала объяснять это еще раз и по лицу участкового поняла: очередная истерика. Меня отпустили, потому что предъявить было нечего. Хотелось унести эту маленькую победу молча, но вслед уже летел его голос.

— Ищи место, где можно спать легально, гражданка. Ночью патруль работает жестко. Не приведи господь, снова попадешься.

Глава 3

Ночью я оказалась на скамейке у неработающего фонтана. С ветки капало за воротник; отодвигалась, попадала под другую каплю. Встать и найти крышу казалось разумным решением, только следующего разумного решения — что делать под этой крышей — у меня не было. Я сжимала колени, чтобы дрожь стала менее заметной.

Застежка серьги никак не поддавалась. Мама подарила эти колечки перед смертью; я носила их на работу, потому что маленькие, не цепляются. Всегда считала обычной вещью. Теперь сняла первое, второе и держала в ладони, понимая, что впервые могу их потерять по-настоящему. За сколько? За ночлег и немного еды. Смешная цена за последнее мамино прикосновение.

Мужчина подошел к скамейке. От него пахло перегаром. В растянутой футболке ему было, наверное, холодно, но он совершенно не торопился. Смотрел на мою раскрытую ладонь. Можно было закрыть ее и уйти. В другой ситуации я бы так и сделала.

— Чего хочешь? — спросил он, глядя на золото в моей руке.

— Деньги.

Он оценил взглядом.

— Тысячу.

— Это стоит три тысячи минимум, — возразила я. Мой голос звучал жалобно, чуждо.

— Две. И больше не дам. Не нравится — иди сама в ломбард. Только туда тебя без паспорта не пустят, да?

Я молча протянула ему серьги. Он сунул их в карман и вытащил две мятые купюры. Бросил мне на колени, как подачку бродячей собаке.

Во рту стало солоно: прикусила губу. Я спрятала деньги во внутренний карман и прижала его рукой. Две тысячи у меня. Серег больше нет. Если пересчитывать именно так, не вспоминать маму, можно встать и купить себе ночь под крышей.

Мужчина развернулся и ушел. Он задел плечом скамейку, и из-под мышки выпала сложенная газета. Свежий выпуск местной газеты.

Газета намочила с края, но фотография на первой полосе оставалась четкой. Артем обнимал Кристину у нового цеха. «Благодаря инновациям и твердой руке руководства завод выходит на новый уровень». Я прочла вслух слово «инновациям» и тут же замолчала. Здесь были мои пробы, мои неудачные партии, мои расчеты. Только меня на фотографии не требовалось.

Вокруг них стояли люди в костюмах, улыбающиеся в камеру. Кристина запрокинула голову, смеясь. Наверное, Артем удачно пошутил — он это умел. Я сидела с мокрой газетой и с деньгами, которых хватало почти только на хостел. Мне хотелось увидеть в этой улыбке хоть одну трещину. Ничего. Им было хорошо.

Схватила газету за оба края, собираясь порвать. Потом ослабила пальцы. Фотография могла пригодиться, дата, название цеха. В лаборатории я не выбрасывала результат только потому, что он мне не нравился. Сложила лист, разглаживая мокрый угол.

От киоска кто-то смотрел на меня. Я сначала решила, что прохожий заметил, как я разговаривала с газетой.

Но человек не проходил мимо. Ждал, когда подниму голову.

Темное пальто отделилось от газетного киоска. Мужчина шел прямо к скамейке, не ускоряясь. Я повела взглядом вдоль аллеи: куда можно уйти, если он не один? Фонтан, мокрые деревья, плохо освещенный выход.

Я вцепилась в газету. Этот силуэт я уже видела у заводских ворот. Максим. Пришел за ответом на свое предложение? Или Артем всё-таки послал его добить меня?

Шрам на брови подтвердил: Максим. Под фонарем лицо выглядело усталым, с тенями под глазами. Я собиралась спросить, что ему нужно, но он заговорил первым. И я поняла, что объяснять свою жизнь ему в очередной раз не придется.

— Если ты останешься здесь еще пять минут, — сказал он низким, бархатным голосом, который, однако, резал тишину как лезвие, — тебя найдут те, кому ты нужна живой, но сломанной. Или мертвой. Выбор за тобой.

Я замерла. Пришлось разжать воротник: вдохнуть полной грудью не получалось. Это был не Артем. Это было что-то другое. Опасность другого порядка.

У меня за спиной мигнули фары машины. Черный внедорожник, тонированные стекла.

— У меня есть машина, — добавил Максим. Теперь он уже не предлагал помощь. Он констатировал факт. — Ты можешь сесть и молчать, или остаться и умереть.

Я посмотрела на конец аллеи. Там, в темноте, мелькали силуэты двух мужчин в черных куртках. Они тоже двигались сюда. Быстро. Решительно.

Двое приближались. Я вспомнила хватку охранников у завода и посмотрела на свои руки: даже отбиться как следует не смогу. Максим заметил людей раньше меня. Было страшно садиться к нему, но оставаться на скамейке стало совершенно невозможно.

Сделку можно отвергнуть позже. Сейчас надо было уйти от этих двоих. Я повторила это про себя, чтобы не казалось, будто согласилась принадлежать еще одному мужчине.

Я встала. Ноги подкосились, но я заставила себя идти. Каждый шаг отдавал болью в коленях. Я прошла мимо Максима, не глядя на него, и открыла дверь машины.

В салоне были кожаные сиденья и запах табака. Я присела на край, оставив ноги почти у двери, — хотелось иметь возможность выскочить. Но в открытой двери уже маячили фигуры на аллее, и я втянула ноги.

Максим сел за руль. Когда дверь закрылась, я посмотрела в зеркало: мужчины остановились возле моей скамейки. Один взялся за рацию. Мне хотелось нагнуться, спрятать лицо, но я продолжала смотреть. Он говорил кому-то, что я уехала. Возможно, Артему.

Максим завел двигатель. Машина мягко тронулась с места, плавно выезжая на мокрую дорогу.

Его голос, низкий и безэмоциональный, резанул тишину салона, заполняя собой всё пространство:

— Куда тебя отвезти? Быстро. И не звони никому, пока мы не оторвемся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.